

Чу Шэчжи неспешно прогуливался вдоль пруда в поместье Маркиза, Усмиряющего Север. Пруд был рукотворным, неглубоким — взрослому мужчине едва доходил до бедра. Чтобы придать ему изящества, поверхность воды украсили изумрудными листьями кувшинок и разнообразными лотосами. Служанка, прислуживавшая Чу Шэчжи, с гордостью поведала, что эти капризные растения, которые в суровых условиях Северо-Запада выжить не могли, были доставлены по приказу самого маркиза из самого Цзяннаня — ради этого пришлось загнать до смерти не одну смену отборных лошадей.

В глазах Чу Шэчжи, озорных и притягательных, застыла легкая усмешка. Стоило ему лишь мельком взглянуть на цветы, как проходившие мимо служанки тут же смущенно опускали головы. Он небрежно окликнул одну из них:

— Девушка, не подскажешь, где разместили маленького монаха, что приехал вместе со мной?

Служанка, поймав на себе его пристальный взгляд, от волнения принялась теревать платок:

— Тот наставник, кажется, поселился в Обители Лотоса у двоюродного племянника господина.

От Чу Шэчжи исходил тонкий аромат мускуса и мыла. Девушка не знала, что это за запах, но он казался ей таким чистым и нежным, словно весенний ветерок. Голова у нее закружилась, и она выболтала всё, что знала и чего знать не следовало:

— Пройдете через этот сад, повернете налево и будете идти вдоль пруда с лотосами. В самом конце увидите старую сосну — там и стоит Обитель Лотоса, самая большая постройка.

— О? Похоже, маркиз весьма почтителен к буддизму, — Чу Шэчжи раскрыл веер, прикрывая им половину лица, и притворно вздохнул: — А меня поселили в самой обычной гостевой комнате.

— Ну... поговаривают, что когда скончалась старая госпожа, маркизу пришлось нелегко. Мастер Тяньцзин как раз проходил мимо и, собрав подаяние, провел для усопшей обряд и прочитал сутры. Хотя сам маркиз в Будду не верит, он глубоко уважает мастера Тяньцзина. А когда несколько лет назад не стало и супруги маркиза, он хотел пригласить мастера, но того уже не было в храме Таньшань. Цюцзянь — ученик мастера Тяньцзина, вот маркиз и перенес свое уважение на него.

— Это я так, шутки ради, не принимай близко к сердцу, — Чу Шэчжи одарил девушку лучезарной улыбкой и продолжил прогулку в одиночестве.

Каждая травинка, каждый павильон в поместье были исполнены изысканности, словно это был иной мир, не имеющий ничего общего с суровой природой Северо-Запада. Можно сказать, что маркиз потратил несметное количество золота, чтобы буквально перенести весну Цзяннаня в свои владения. Чу Шэчжи не собирался утруждать себя раздумьями о том, соответствуют ли эти расходы доходам маркиза. Как говорится, за три года службы уездный начальник наживает сто тысяч серебряных, а уж что говорить о маркизе, в руках которого сосредоточена такая власть. К тому же, он не состоял на службе у императора — Чу Шэчжи был лишь вольным странником, и какое ему дело до того, берет ли маркиз взятки или нарушает указы?

— Чу Шэчжи!

Кто-то окликнул его сзади. Чу Шэчжи тихо вздохнул, обернулся и слегка поклонился:

— Госпожа Чжао.

В ясных миндалевидных глазах Чжао Цзинжоу промелькнула грусть:

— Спасибо, что не назвал меня уездной княгиней Цзинчэн.

Она потеряла мать в шесть лет, в восемь ушла на гору Эмэй изучать боевые искусства, став внешней ученицей главы школы. Она всегда считала себя человеком вольным, привыкшей поступать по зову сердца. Маркиз не ограничивал её выбор: пока она не прикрывалась именем дочери военачальника, он позволял ей странствовать. Другие девушки из знатных семей в её возрасте уже были замужем и воспитывали детей, она же два года томилась в ожидании странствующего рыцаря, который неизвестно где скитался. Она была готова ждать и дальше, но несколько месяцев назад император внезапно даровал ей титул уездной княгини, а это означало, что свобода ждать у неё отнята навсегда.

— Если хочешь, я могу отправиться на Западные земли и достать для тебя снадобье, имитирующее смерть, — Чу Шэчжи с сочувствием смотрел на её слезы, но не сделал ни шага, чтобы их вытереть. — Но я не возьму тебя с собой. Госпожа Чжао, Чу Шэчжи — лишь вольный странник, у него нет дома, и он не желает быть связанным ничем — ни телом, ни душой.

— ...Я знаю, — жемчужные слезы покатались по щекам Чжао Цзинжоу. — Эти два года я ждала тебя, но не только тебя. Я не хочу всю жизнь прожить с незнакомцем лишь ради политического союза. Титул княгини для меня — не почет, а оковы.

— Раз так, я помогу тебе, чем смогу.

Чжао Цзинжоу покачала головой:

— Как думаешь, почему император вдруг вспомнил обо мне? — она усмехнулась. — Говорят, на севере снова неспокойно. У Его Величества нет дочерей, а все знатные родственницы в столице уже выданы замуж. Вспомнил обо мне — значит, решил использовать для мирных переговоров.

Чу Шэчжи опешил:

— Может, все не так плохо.

— Неважно. Я родилась в семье военачальника, и первая половина моей жизни была достаточно свободной, это уже удача. Если пришло время нести ответственность — я приму её, лишь бы не навлечь беду на отца, — глаза Чжао Цзинжоу, омытые слезами, стали еще прекраснее. — Я искала тебя не для того, чтобы удержать, а чтобы попрощаться с прошлым.

Чу Шэчжи улыбнулся и серьезно кивнул:

— Я понимаю.

Чжао Цзинжоу раскинула руки:

— Можешь обнять меня напоследок?

Чу Шэчжи выполнил её просьбу. Он лишь слегка коснулся её, она же прижалась крепко, словно желая в этом объятии растратить всю свою страсть, а затем стремительно развернулась и ушла. Брови Чу Шэчжи едва заметно дрогнули.

В то короткое мгновение, пока они были в объятиях, Чжао Цзинжоу прошептала так, что слышать мог только он, всего два слова:

— Уходи быстрее.

— Маленький наставник Цзюцзянь, выходи, слушать уже нечего, — Чу Шэчжи посмотрел прямо на старую сосну и насмешливо добавил: — Неужели святой монах тоже любит подслушивать?

— Ами табха. Я не подслушивал. Просто медитировал под деревом, а когда вы заговорили, уйти было уже поздно.

Я произнес буддийскую сутру:

— Человек рождается в одиночестве и умирает в одиночестве, уходит один и приходит один. Каждый сам несет бремя своих страданий и радостей, и никто не может заменить другого. Это путь, который госпожа выбрала сама, и никто не в силах пройти его за неё.

Чу Шэчжи подхватил:

— А следующая фраза звучит так: добро и зло меняются, преследуя рожденных, пути расходятся, и встреча не predetermined?

Я слегка улыбнулся:

— Не ожидал, что герой Чу так глубоко изучает сутры.

Чу Шэчжи отмахнулся:

— Какое там изучение, просто читал от скуки.

— Любовь, страсть и слава не вечны, все когда-нибудь расстанется, и нет в этом ничего радостного, — я сложил ладони вместе. — Все живые существа страдают, лучше стремиться к

добродетели и обрести покой в будущем перерождении.

Чу Шэчжи громко рассмеялся:

— Наставник, ты пытаешься меня наставить на путь истинный?

— А почему бы и нет? — парировал я. — У господина Чу есть задатки мудрости.

— Нет-нет, — Чу Шэчжи искренне смеялся. — Одинокое рождение, одинокая смерть, одинокий путь — хоть это и про меня, но я человек мирской. Не ищу перерождения, ищу лишь минутного наслаждения. Я невежественен, так что Анан может не тратить на меня силы.

— Я уже говорил, Анан — имя, которое может произносить только мой учитель, — я поправил его, но, видя, что он не придает моим словам значения, оставил это. — Впрочем, я действительно ждал здесь не просто так, есть кое-что, о чем я хотел бы с тобой поговорить. Можем мы уединиться?

Чу Шэчжи с радостью согласился:

— Как раз кстати, мне тоже есть что обсудить с тобой наедине.

Мы вошли в Обитель Лотоса. Чу Шэчжи на мгновение замер, пораженный роскошью убранства:

— Кто этот двоюродный племянник? Почему здесь даже богаче, чем в комнате родной дочери маркиза...

Моя рука, наливавшая чай, дрогнула:

— Господин бывал в спальне госпожи Чжао?

Чу Шэчжи неловко потер нос:

— Маркиз постоянно находится в северном военном лагере и редко бывает дома, так что я однажды заглядывал... он об этом не знает.

У меня дернулся уголок рта. Подумалось: хорошо, что его не было в поместье, а то даже если бы маркиз был либерален к дочери, он бы тебя живьем съел.

— Кхм. Думаю, господин Чу уже заметил, что с этим поместьем что-то не так?

Чу Шэчжи быстро справился с неловкостью:

— Это зависит от того, что именно ты заметил, Цзюцзянь.

Я сдержал желание закатить глаза:

— Господин, давай без загадок. Я имею в виду — всё.

В глазах Чу Шэчжи вспыхнул азарт, словно он встретил родственную душу:

— Герои мыслят одинаково. Давай тогда перечислим всё по порядку. Цзюцзянь, начинай.

— ... — Как же этот человек любит играть в детектива! Жаль, что он не сдал экзамены на чиновника, Великому судебному приказу не хватает такого таланта! Помолчав, я все же сказал: — У маркиза сейчас только сын и дочь. Он с сыном постоянно в лагере, госпожа Чжао странствует, иногда годами не возвращаясь. Госпожа маркиза скончалась десять лет назад. По логике, в поместье почти никто не живет, зачем же тогда такая роскошь?

Я перебирал четки, и скорость их вращения менялась в такт моим мыслям:

— Маркиз родом из столицы, его супруга — из Цзядиня, но этот дворик оформлен в стиле Цзяннаня. Конечно, можно сказать, что это личный вкус маркиза, но я склоняюсь к другому: здесь постоянно живет кто-то еще, и этот человек родом из Цзяннаня.

Чу Шэчжи подпер подбородок и молча слушал. Возможно, сам маленький монах не замечал, что, когда он говорит о делах знати и дворцовых интригах, он становится совсем не похож на монаха.

— Почему?

Я пододвинул к нему курильницу с изображением сосен и лотосов:

— Если бы это был просто вкус, такой курильницей не пользовались бы постоянно.

Такие подвесные курильницы характерны для Цзяннаня. Там влажно, и благовония, если их положить слишком низко, быстро отсыреют. В других местах такой проблемы нет, и подобные вещи покупают лишь для красоты. Но хотя курильница в этой комнате начищена до блеска, видно, что ею пользуются постоянно.

Чу Шэчжи кивнул:

— Ты, кажется, еще не все сказал.

— Нарушение установленного порядка, — я опустил взгляд. — Не говоря уже о другом, те же лотосы в рукотворном пруду приходится привозить новые каждые несколько дней. Столь частые перевозки, огромные расходы — местный градоначальник не мог этого не заметить, но никто никогда не подавал жалоб на маркиза.

Чу Шэчжи все больше интересовался этим маленьким монахом:

— Еще что-то?

— И последнее — реакция госпожи Чжао сегодня, — я приподнял бровь. — А это уже вопрос к тебе, господин. Что она сказала, когда была в твоих объятиях?

Чу Шэчжи прищурился, убедившись, что тогда Чжао Цзинжоу говорила так тихо, что слышать могли только они двое:

— Маленький наставник Цзюцзянь, откуда ты знаешь, что она тогда что-то сказала?

<http://bllate.org/book/22245/2325288>